

Леонид Авербух

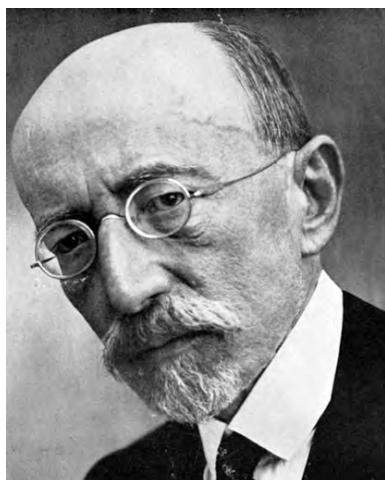
Одесские музы поэтов

М.А. Осоргин и Р.Г. Гинцберг

Рассказы о героине этого очерка авторы большинства публикуемых материалов начинают с эпизода, когда поздней осенью 1905 г. три девушки, близкие подруги, отправились из Одессы в неблизкий путь. Среди них были Нюня (Неха) Перельман – младшая дочь Фишеля Перельмана, 70-летнего старика, благочестивого хасида (см. ниже), известного в еврейской Одессе тем, что сам, не имея средств, приходил на помощь тем, кто в ней нуждался; Эстер Перельман, дочь старшего сына этого самого Фишеля – Моисея, скромного служащего одесской таможни, вращавшегося в палестинофильских, а затем в сионистских кругах, а также Роза (Рахиль) Гинцберг – дочь выдающегося еврейского философа-публициста Ашера-Гирша Исаевича Гинцберга, вошедшего в историю под псевдонимом Ахад-ха-Ам («Один из народа»), вариант – Ахад-га-Ам, который уже в начале 1900-х годов был широко известен в кругах интеллигентного еврейства. Он был человеком переходного времени, и оно наложило трагический отпечаток на его личность и судьбу. Родился он в правоверной хасидской* семье, и с отцовской, и с материнской стороны хасидское

* Хасидизм (от ивр. חסידות, или, в ашкеназийском произношении, хасидус, «праведность», буквально – «учение благочестия». «Хасид» – «благочестивый») – религиозное течение в иудаизме, которое в первой половине XVIII века за очень короткое время охватило еврейское население Речи Посполитой и прилегающих территорий. Особенное значение хасидизм придает эмоциональному постижению Бога.

миропонимание передавалось от дедов к внукам. Склонность к мистицизму и погружение в священные книги не мешали, однако, развитию деловых способностей у некоторых членов этих семейств. Отец Ашера Исай был наделен ими в достаточной мере, это помогало ему, сыну многодетной вдовы, энергичной и властной женщины, выбиться в люди: стать богатым торговцем, промышленником, арендатором большого имения в деревне Гопчице вблизи городка Сквиры – одного из хасидских центров Украины (неподалеку от Бердичева – «волынского Иерусалима», ныне – Белоцерковский район Киевской области), где в 1856 г. и родился Ашер.



Ахад-га-Ам

Несмотря на состоятельность родителей, детство Ашера, единственного сына в семье, было отнюдь не радостным. С трех лет он с раннего утра, часто голодный, дотемна просиживал в хедере, изучая Талмуд. Детских игр не знал, друзей не было. Очень рано в душе мальчика начал зреть протест против жестокого семейного уклада. Он самостоятельно выучил русский, а затем увлекся просветительской литературой (в частности – Писаревым) и отошел от религии, хотя и признавал ее этическую ценность. На рубеже 1884-85 годов произошел настоящий перелом в его жизни, сыгравший положительную роль. По новым российским законам, отец его лишился права арендовать имение, и всей семье пришлось из деревни уехать окончательно.

Ашер-Гирш с семьей прочно обосновался в Одессе. С женой и пятилетней девочкой Леей-Деборой он приехал в Одессу еще в 1894 г., а в 1885 г. в Киеве родилась вторая дочь Рахель (Роза). Он писал: «Так, наконец, я смог оставить тюрьму, где я провел 18 лет, лучших лет человеческой жизни, и которая грызла меня заживо

и разрушала те естественные дарования, которые у меня были. Я вошел туда 12-летним мальчиком, вышел 30-летним мужчиной с женой и детьми. Я вошел туда с чистой душой и полный надежд, вышел разочарованный, с болью в сердце». Разочарование, однако, не помешало ему не только продолжить свое образование (в Одессе он успешно изучал философию, французский и английский языки), но и проявить свой общественный темперамент, литературное дарование и глубину мысли. Скромный провинциал превратился в известного еврейского деятеля, публициста философского склада. Он сблизился с палестинофилами, во главе которых стоял одессит доктор Лео Пинскер – «предтеча» сионизма, был в дружеских отношениях с Клаузнером, Лилиенблюмом. Равницким, Бяликом и вскоре начал играть в этом движении руководящую роль. В 1889 г. основал общество «Бней Моше», («Сыновья Моисея», орден масонского типа), просуществовавшее восемь лет. С 1896 г. стал издавать журнал «Ха-Шиллоах» («Послание»), поставивший задачу возродить еврейскую культуру и духовную сущность еврейства.

В 1889 г. он выпустил свою первую статью «Не тем путем» и вслед за ней опубликовал целый ряд принципиально важных статей и заметок. Последующие семнадцать-восемнадцать лет оказались очень плодотворными для него. В эти годы полностью сформировалась и получила выражение его философско-политическая доктрина, подкрепленная знакомством с бытом колонистов Палестины, где он несколько раз побывал. На рубеже двух веков, когда Теодор Герцль провозгласил идею создания еврейского государства и начал бороться за претворение ее в жизнь, Ахад-ха-Ам, которому сама идея не была чужда, выдвинул в противовес политическому сионизму Герцля – духовный. История поставила этих двух людей рядом, хотя в те годы они являли собой разительный внешний и позиционный контраст.

К сожалению, установить, в какой из одесских гимназий училась Роза Гинцберг, которая к моменту «европейского старта», родившись в Киеве, прожила с семьей в нашем городе все детские и юношеские годы, не удалось. В период между гимназией и поступлением в университет Роза и Нюня были членами дружеского кружка – в него входили трое молодых людей и три девушки.

Кружок они называли коммуной: была общая касса на мелкие расходы, но главное – они вместе ходили в театр, обсуждали прочитанные книги, гуляли в парке, ели мороженое, невинно флиртовали... У Розы был жених Филипп Гурвич, живой, остроумный, хороший рассказчик, но он не был одесситом, в коммуны, естественно, не входил и встречался с Розой во время своих каникул и коротких наездов в Одессу.

По окончании гимназического курса подруги решили продолжить учебу. Получить высшее образование и стать независимыми – такой была мечта многих тогдашних интеллигентных девушек. Розу привлекала юриспруденция, Нюня, а вслед за ней и Эстер предпочли медицину. Розу и Эстер в их стремлении учиться поддерживали отцы, Нюню – брат Озиас, благодаря которому она, единственная из всей семьи, окончила гимназию. Но где учиться? В Одессе соответствующих женских курсов не было; Петербург и Москва, где они имелись, – за пределами черты оседлости, и въезд туда закрыт. Ехать надо за границу. Но куда? Во Францию, Германию, Швейцарию, где в университеты принимают мужчин и женщин всех национальностей и вероисповеданий? Одесситки Нюня и Роза избрали другую страну. Эстер, учившейся в маленьком заштатном городке Ананьеве, где жила семья Моисея, было все равно куда ехать.

Италия. Италия... Это слово не сходило с языка молодого корреспондента «Одесского листка» Владимира Жаботинского и, по мнению биографов, именно это сыграло решающую роль в выборе девушек. Роза, у которой в детстве были гувернантки, свободно владела французским и немецким языками, Нюня знала французский в пределах гимназического учебника, а Эстер ни одного языка не знала, в ананьевской гимназии этому предмету не обучали. Но для занятий в Неаполитанском университете и Розиных познаний было недостаточно. Необходим был итальянский язык. Срочно нашли этническую итальянку, которая, к сожалению, имела весьма смутное представление о том, как преподавать языки. Стали читать с ней вслух роман «Обрученные» Алессандро Мандзони – очевидно, надеясь на то, что в Италии это поможет сразу же заговорить с аборигенами. Как потом выяснилось, это была чистой воды иллюзия.

Вторым языком, необходимым для избранных факультетов, была латынь, которую в женских гимназиях не преподавали. И учителя нашел для своей дочери Ахад-ха-Ам. Вот так подготовившись, девушки собрались в дорогу. Одесские подруги в серых длинных до пола пальто, Роза в шляпе с полями, Нюня в большом черном бархатном берете, с одним белым кружевным зонтиком на двоих (а осень уже подступала), с внушительными чемоданами и коробками, с солидными ридикюлями, где денег, однако, было маловато (семья не располагала в то время значительными средствами), подкатили к вокзалу на извозчике. Со слов матери об этих и последующих приключениях подруг подробно писала Н.Ф. Елина, дочь Нехи Перельман. Добрались до Неаполя проездом через Швейцарию. Сняли скромную комнатку у старухи-горбуни. Поступили в университет. (Удивило, что он носит имя Фридриха II (1212-1250) – германского короля, но, как оказалось, основателя этого учебного заведения и одновременно императора Священной Римской империи. – Л. А.)

Трудно было барышням слушать лекции на чужом, еле понятном языке Классик Мандзони не очень-то помог. Особенно если более сотни мужских голов поворачиваются в твою сторону. Да и профессора частенько поглядывают на новоявленных слушательниц. Ведь впервые за семь столетий существования Неаполитанского университета в его стенах появились студентки, к тому же чужестранки. Студентам очень хотелось познакомиться с этими странными девушками, которых не охраняли ни отцы, ни старшие братья. Но оказалось, что это непросто. Чужеземные студентки фотографировались со всеми в День первокурсника, поехали на общую загородную экскурсию, сидели на засохшей траве, ели бутерброды, но когда более предприимчивые коллеги пытались с ними заговорить, они вежливо и не очень уверенно отвечали: «Да», «Нет», «Спасибо», «Из Одессы», «Неаполь нравится». А дальше беседа не клеилась. Отгораживала хорошеньких «русских студенток» (вероисповедание здесь никого не интересовало) группа русских же (православных) студентов, исключенных из российских университетов после студенческих беспорядков. Они сопровождали девушек повсюду. Позднее, невзирая на предостережения, появились и иностранные друзья-ухажеры, а среди них – даже племянник эфиопского императора...

В 1907 Роза Гинцберг переезжает из Неаполя в Рим и поступает на юридический факультет в Римский университет. В круг итальянских студентов-однокурсников, отпрысков почтенной итальянской касты, она, дочь еврейского философа и публициста, конечно, не вписывается и проводит время в обществе русских эмигрантов. Вслед за Розой перевелась в Римский университет и Нюня. Там – утверждали – уровень занятий выше. Очень звала Роза.

Здесь, в Риме, и произошло знакомство Розы с бывшим юристом Михаилом Андреевичем Ильиным, который к тому времени перестал заниматься юридической практикой и был известен не только своими публицистическими произведениями (под псевдонимом Осоргин – фамилия бабушки), но и революционным прошлым. Он родился в Перми в семье потомственных столбовых дворян. Отец Андрей Федорович Ильин, выпускник юридического факультета Казанского университета, занимался проведением в жизнь на Урале крестьянских и судебных реформ Александра II; мать Елена Александровна Ильина (в девичестве Савина), выпускница Варшавского института благородных девиц, владела несколькими европейскими языками. Как все мальчики его круга, он окончил классическую гимназию.

В 1902 г. Осоргин успешно окончил юридический факультет Московского университета и получил должность помощника присяжного поверенного Московской судебной палаты, а также ряд степеней, особых доходов не дававших. Осоргин (Ильин) был членом партии эсеров. В его квартире устраивались собрания эсеров и эсдеков, заседали Московский комитет социалистов-



Роза Гинцберг (слева), Нюня Перельман (сидит) и Эстер Перельман (справа). Рим, 1905-1906 гг.

революционеров, хранилась агитационная литература, оружие, бомбы, скрывались организаторы терактов. Несмотря на то, что Осоргин, по его собственному замечанию, был в революции «взволнованным интеллигентом, больше зрителем, чем участником», его заключили в Таганскую тюрьму. Грозил смертный приговор, замененный пятилетней ссылкой, которую отбывать не пришлось, – по недосмотру следователя заключенного отпустили под залог. Через Финляндию Осоргин бежал в Италию.

«Лучшие годы молодости я прожил в Италии. Жил там вынужденно и томился по России, куда вернуться нельзя было. Томился, и все же – как теперь, с отдаленья, вижу – был счастлив» (Михаил Осоргин, «Липовый цвет»). В 1903 году он женился на дочери народовольца А.К. Маликова Екатерине, но о первой жене (впрочем, как и о второй... – Л. А.) ни в автобиографических произведениях, ни в «итальянских» рассказах он не упоминает. Писатель отказывается откровенничать даже с приятелями: «Жизнь моя в то время была слишком полна личных переживаний, делиться которыми с моим другом я не мог» (рассказ «Мой бедный Коко»). Но известно, что в 1909-1910 годах Екатерина Александровна Ильина жила в Италии, а Осоргин поддерживал с ней дружеские отношения. В 1914 году она поселилась в Дорнахе (Швейцария) – «столице» антропософов, и стала неофициальной главой русской антропософской колонии (в ее «Русском доме» будут останавливаться Андрей Белый, Маргарита Сабашникова), а также секретарем жены Р. Штейнера (Штайнера)* и переводчицей произведений Штейнера на русский язык. Людей совершенно разного склада из совершенно разной среды, людей, за которыми стоят поколения совершенно чуждых друг другу предков, нередко влечет к сближению. Биографы, не ссылаясь на источники, так описывают начало отношений студентки Розы Гинцберг и юриста Михаила Ильина (Осоргина):

* Рудольф Штейнер (27 февраля 1861 – 30 марта 1925) – австрийский доктор философии, педагог, лектор и социальный реформатор; эзотерик, оккультист, ясновидящий и мистик XX века, автор многих сочинений (1883-1925), прочитавший более 6000 лекций по всей Европе (1900-1924); основоположник антропософии и антропософского движения.

«...Сначала – в компании «третьих лиц», затем, очень скоро, он начал приглашать ее одну. Они бродили по улицам Рима, который он знал лучше, чем она.

Заходили в музей, в старинные церкви на малолюдных улицах, в маленькие трагтории. Сначала днем, если было не очень жарко, а затем вечерами, когда луна ярко освещает руины древнего Рима и его барочные храмы, где рядом со стенами ложатся черные тени. И однажды, когда он провожал ее домой, на темной лестнице возле ее двери он не выдержал и поцеловал ее. А на другой день пришел и сказал, что любит и жить без нее не может. И она почувствовала, что больше притворяться перед собой нельзя и что пришел час, когда надо решать: принять или отвергнуть судьбу. Что она влюблена в него без памяти, она уже понимала. Да и немудрено. Она встретила с талантливым, живым, одаренным человеком, привязанным к своему родному краю и народу и восприимчивым к жизни чужих краев и народов. Человека обаятельного, с широтой души, соединяющей насмешливость и мягкий юмор с глубокой лиричностью, озорное мальчишество с достаточной зрелостью мысли. Человека, не знающего ущемленности, горького скепсиса и одержимости. И к тому же еще – красивого, высокого, мужественного. Недостатков его, которые обнаружили позднее, она не замечала. Гораздо труднее понять, чем привлекла она его. Невысокая худенькая еврейка с довольно правильными чертами лица, которому, однако, недоставало ярких красок и девичьей свежести. Живой быстрый ум в сочетании с легкой склонностью к назидательности вызывал интерес собеседников, но не привлекал поклонников...»

По соображениям «экономического» характера Ахад-га-Ам в 1907 г. переехал в Лондон, где представлял интересы фирмы русского чайного магната Высоцкого, с которой сотрудничал еще в Одессе. Роза приезжала в это время в Лондон, где активно помогала в обустройстве семьи. Для Розы остро стоял «еврейский вопрос» – отец, которого она любила и уважала, был глубоко убежденным приверженцем национальной идеи. Появление «гоя» в семье стало бы для него крушением системы нравственных ценностей. В свое время Ахад-га-Ам написал: «Не представляет ли смешанный брак в том состоянии рассеяния и разрозненности, в котором



Михаил Осоргин. Из ранних фотографий

мы теперь находимся, серьезную опасность для существования народа? А если так, то не лежит ли на националисте нравственный долг охранять существование своего народа и ради этой цели пожертвовать даже личным счастьем?» (Ахадха-Ам, «Национальная этика»). Роза знала, что если она останется с Осоргиным, то не только нанесет удар отцу, но и отрежется от еврейского народа. Тем не менее в 1908 году Рахель Гинцберг фактически стала женой Михаила Осоргина.

Осоргин, безусловно, любил Розу. Он придумал ей новое имя – Рери. Они жили в Риме и ни в чем не нуждались: он получал приличные гонорары, она зарабатывала переводами. Но, по словам Н. Елиной, отношения в семье были непростыми: Рери всеми силами старалась нравиться Осоргину – напевала русские романсы, пыталась скрывать недовольство по поводу своего «незаконного» положения. Но чувство вины перед отцом, от которого приходилось утаивать сожителство с «гоем», не давало ей поддерживать нужную атмосферу в доме. Осоргин был недоволен: «Я люблю, чтобы в доме настроение было на пятерку, а у нас оно выше тройки не поднимается». Он писал: «Что такое любовь? Любовь – это когда любимый чихает в соседней комнате, и вся квартира, весь дом, вся страна и весь мир наполняются музыкой, из-за облаков выходит солнце, птицы голосят неугомонно, журчат ручейки, все кругом заляпано необыкновенными цветами, рот от улыбки растягивается до висков и хочется повизгивать от накатившего волною счастья. И еще любовь – это волны дыхания, сжатые плечи, мурашки по коже, прилив-отлив, низким облаком отраженный колокольный звон. И, наконец, любовь – это ты и я или даже только ты, всех прочих – долуй, – и опускается железный занавес шелковым покровом» (Михаил Осоргин. «Что такое любовь?»).

В 1910 году Роза окончила университет – причин задерживаться в Риме больше не было. Оставался один выход: рассказать отцу об отношениях с русским. Первым узнал тайну младший брат Розы Сема. Он приехал в Рим из Парижа (учился в Сорбонне) и провел все каникулы в доме Осоргина. Сема не был националистом и не относился всерьез к принципам отца. Его насторожило только двусмысленное положение сестры – он категорически настоял на том, чтоб брак был оформлен официально. С мнением брата Роза считалась, принятие решения облегчалось тем, что хоть кто-то из близких поддерживает ее...



Р. Гинцберг и Н. Перельман

Осоргин – этот «веселый безбожник», как он себя называл, развелся с первой женой и даже согласился принять гиюр*. Брак заключили в 1912 году. Роза Гинцберг стала официальной женой эмигранта и приняла фамилию Осоргина. Мать Розы, несмотря на то что придерживалась ортодоксально религиозных взглядов, примирилась с выбором дочери. Отец, как и ожидалось, отнесся к браку с «гоем» иначе – он отрекся от Рахель, напомнив ей о том, что человек должен жертвовать личным счастьем для народа. Формальный гиюр, который принял Осоргин, для Ахад-ха-Ама не имел никакого значения.

* Слово «гиюр» означает принятие иудаизма. Оно включает в себя изучение основ иудаизма, соблюдение заповедей и ритуалов Торы, для мужчин – прохождение обряда обрезания (брит-милы). Конечной стадией гиюра является собеседование в раввинском суде, который должен решить, может ли данный человек быть признан евреем. Такого человека называют «гер». Выполнил ли Осоргин все эти требования – неизвестно.

Когда началась Первая мировая война, Осоргин принял решение вернуться в Россию. Он сознавал, что это возвращение опасно не только для него, но и для Розы (судимость не сняли, без официального разрешения бывшему революционеру грозил арест, ссылка или расстрел), но желание быть со своим народом в непростое время пересиливало страх. Через Францию, Англию, Норвегию, Швецию, Финляндию Осоргины прибыли в Россию. Благодаря заступничеству одного из депутатов Государственной думы и неустойчивой обстановке в стране Осоргина не арестовали. В России он вел активную деятельность – ездил по волжским городам, присутствовал на открытии университета в Перми, побывал на Западном фронте, печатался в периодических изданиях. Позже он рассказывал о своей насыщенной жизни в автобиографических произведениях, правда, ни разу не упомянув имени Розы.

В тот период Осоргин был избран председателем Всероссийского союза журналистов, товарищем председателя Московского отделения Союза писателей: первый устав союза был написан совместно Осоргиным и М.О. Гершензоном. Когда в августе 1918 г. частная периодическая печать была ликвидирована, группа писателей, сплоченная узами давнего сотрудничества, решила основать небольшую книжную лавку и «вести ее исключительно своими силами, чтобы быть около книги и, не закабалая себя службой, иметь лишний шанс не погибнуть от голода». «Книжная лавка писателей» открылась для творческих личностей, но спасала «от перспективы плясать под казенную дудочку» (М. Осоргин, «Листки», 1925 г.). Для независимого Осоргина это соображение было решающим. Возникла группа пайщиков, в которую вошли искусствовед П.П. Муратов, поэт В.Ф. Ходасевич, молодой прозаик А.С. Яковлев, историк литературы, переводчик и исследователь творчества Бальзака Б.А. Грифцов.

Позже к ним присоединились В.К. Зайцев, который «отвратительно упаковывал книги и очаровательно беседовал с покупателями» (М. Осоргин. «О Борисе Зайцеве». 1926.), философ Н.А. Бердяев, историк А.К. Дживелегов. Однако главным лицом в лавке, по свидетельству современников, был Осоргин (Н. Бердяев. «Самопознание». 1946). Лавка числилась при Союзе писателей, все пайщики были членами союза, трое входили в президиум,

а Б.К. Зайцев был его председателем. Это обстоятельство потому имело значение, что охраняло лавку от грозившей частным магазинам и библиотекам «муниципализации», а на самом деле – ликвидации. Осоргин вспоминал: «Осложнившаяся жизнь выбрасывала на рынок целый ряд старых библиотек, которые мы скупали, стараясь давать своему брату-писателю и ученым максимальную плату» (М. Осоргин. «Книжная лавка писателей». 1923). «Книжная лавка писателей» имела, конечно, не коммерческое значение, она была важным живым литературным общественным центром. «За прилавками у нас велись философские и литературные споры, в которых принимали участие и клиенты завсегдатаи, – писал Осоргин. – Было тесно, дымно от печурки, тепло от валенок, холодно пальцам от книг, весело от присутствия живых людей и приятно от сознания, что дело наше и любопытно, и полезно, и единственно не казенное, живое, свое...»

Основанная в сентябре 1918 года, лавка просуществовала до 1922-го, когда смысл ее дальнейшего существования в значительной степени исчерпался, налоговая же тяжесть в связи с расцветшим нэпом стала невыносимой. В самые тяжкие годы она была, по словам Михаила Андреевича, «...не только якорем личного нашего спасения, но и маленьким культурным центром Москвы, отдыхом и прибежищем писателей, профессоров, книголюбов, артистов, учащихся, всех, кто не хотел и в годы безвременья порвать с культурой, подавить в себе последние духовные устремления». Возникло при лавке характерное для тех лет, когда не было возможности печататься, рукописно-автографическое издательство: писатели сами переписывали, иллюстрировали и сшивали свои книги. Рассказывая об уникальной коллекции рукописных книг, изготовленных в лавке (их было около двухсот), В.Г. Лидин вспоминал, в частности, о книге Осоргина «Похвала березовым дровам», написанной автором на бересте (В. Лидин. «Друзья мои – книги: рассказы книголюба». 1976). В лавке собирались также члены Религиозно-философского общества, проводились заседания италофильского кружка «Студио Италиано», на которых, как вспоминал Осоргин, «холод не мешал возрождать любимые образы и делиться тем, что дала нам близость общей любовницы – Италии»... Сюда, в студию при лавке, за несколько месяцев до смерти приезжал читать свои стихи А. Блок.

Работая в лавке, Осоргин собрал исключительную по ценности библиотеку русских книг об Италии. А Роза, любя мужа, отдалялась от него, живя в уже чужой для нее, холодной страшной России. Она, еврейка, получившая светское образование, знающая несколько языков, проведшая юность в Англии и Италии, жила бытом простых русских женщин – ходила на Сухаревку, меняла платье на мерзлую картошку, которую затем варила на буржуйке. Когда в 1919 г. Осоргина арестовали «по недоразумению» и держали месяц на Лубянке, она носила ему передачи. «О любви написано так много, что, пожалуй, ничего нового не скажешь. Но, так как про нее

пишут обычно гадости оттенка собачьего, и это считается особенно важным и занимательным, то остается область менее исследованная, а именно любовная простота и беззаветность, когда самого себя человек берет за скобку и больше не видит, а весь мир, и вся радость, и вся красота, и все благородство воплощается в другом человеке, который стоит перед ним денно и ночью, в необыкновенном сиянии, лучезарный без пятнышка, милый до сладости и душевного таянья, всех на свете лучше и единственно необходимый, и во всех поступках оправданный, и святой, так что хочется зажечь перед ним лампадку и бить земные поклоны» (М. Осоргин. «Что такое любовь?»).

В 1921 году закончилась Гражданская война. В Поволжье свирепствовал голод. В конце июля был образован Комитет помощи голодающим («Помгол»), куда вошли представители московской интеллигенции – в том числе и Осоргин. Но в конце августа коми-



Мемориальная доска на доме в Москве, где М. Осоргин жил в 1922 г.

тет был распущен, а большинство его членов арестованы и обвинены в контрреволюции. Осоргин провел на Лубянке около двух месяцев, пока его, больного, не отправили в ссылку в Краснококшайск (до 1919 г. Царевококшайск, ныне Йошкар-Ола); затем по состоянию здоровья ему было разрешено жить в Казани.

В Казани писатель стал выздоравливать и продолжил заниматься общественной деятельностью – помогал устраивать книжный магазин, посещал Казанский университет. Влюбился в поэтессу Веру Клюеву, которая работала в книжной лавке. Роза смиренно тянула на себе всю домашнюю работу. «Я пробыл в казанской ссылке всего полгода, и не считаю это время в жизни потерянным; везде есть люди, и хорошие люди, всюду – общения, о которых остается благодарная память. Комната с самодельной мебелью, поленница березовых дров в передней, сносное питание (я получал обильный «кооперативный» паек на своей службе), своя кулинария, великолепные казанские морозы, литературные беседы в малой университетской аудитории, новогодние пельмени в кругу актеров местного театра, мирные вечера в семье соседа по квартире, ласка моих молодых литературных друзей, сотрудников по газете и по устройству в Казани книжной лавки – мне решительно не на что жаловаться» (М. Осоргин. «Времена»).

Весной 1922 года Осоргину разрешили вернуться в Москву. Роза получила письмо от отца, который просил ее о примирении. Она наладила переписку с родителями и не поехала в Барвиху, где Осоргин позже жил вместе с семьей своего друга Бердяева. Однажды, возвращаясь из леса, Осоргин увидел около дома грузовик с чекистами – и ушел в соседнюю деревню, где провел несколько дней. Вскоре вернулся в Москву – скрывался теперь в клинике своего давнего знакомого А. Бакунина, на Остоженке. Там он и познакомился с дочерью Бакунина, восемнадцатилетней Татьяной.

В клинике Осоргин находился несколько дней, а затем не выдержал – позвонил в ГПУ. Следователь вызвал литератора на допрос. На Лубянке Осоргин заполнил анкету. На вопрос «Как вы относитесь к советской власти?» он ответил: «С удивлением»... После чего следователь огласил вину: «Нежелание примириться и работать с советской властью». И Осоргину сообщили приговор: высылка из России на три года под угрозой «ликвидации».



М.А. Осоргин в разные годы

Инициатором высылки идеологических противников был В.И. Ленин, который в письме к Сталину от 16 июля 1922 г. призывал: «Арестовать несколько сот и без объявления мотивов – выезжайте, господа!».

Через несколько дней Осоргины вместе с другими представителями московской и петроградской интеллигенции отплыли на одном из пяти достославных «философских пароходов» в Германию. В одном из своих интервью Троцкий объяснил причину высылки: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно». До осени 1923 года Осоргины находились в Берлине. Михаил неоднократно ездил в Италию читать лекции, писал очерки, работал над прозаическими произведениями. Особое место в жизни М. Осоргина занимала его бурная и многообразная масонская деятельность, начавшаяся еще 1914 году в ложе «Venti Settembre» Великой ложи Италии, а в 1925 г. он присоединился к ложе «Северная звезда», где занимал ряд высоких «офицерских» амплуа, считаясь

одним из ее основателей – «Великий эксперт (исполнитель)» – 1927-1929 годы; «Оратор» – 1930-1932 и 1935-1937 годы. «1-й

страж» – 1931-1934 и 1937-1938 годы, и, наконец, «Досточтимый мастер» (наивысший статус) – с 1938 по 1940 год. С 1925 по 1940 год он активно участвовал в деятельности нескольких лож, работавших под эгидой «Великого востока Франции» – в том числе «Свободная Россия» и «Северные братья». В нашем предыдущем очерке этого цикла подчеркнута значительная роль, которую сыграл М. Осоргин в писательском становлении и масонской деятельности замечательного писателя-эмигранта Гайто Газданова.

Столь значительное место отведено подробностям биографии М. Осоргина в связи с тем, что подавляющее число весьма компетентных читателей абсолютно незнакомы с этим выдающимся литератором.

Не раз, и далеко не только нами отмечалась выраженная склонность творческих людей, скажем так, к разнообразию в личной жизни... В эти годы наш герой переписывался сразу с двумя женщинами, к которым испытывал в то время нежные чувства, – Татьяной Бакуниной и Верой Клюевой. Характер его отношений с женщинами становится понятным при ознакомлении с его письмом к Вере Клюевой: «Ты любишь меня полным сердцем, я – маленьким трепетным чувством, памятью прекрасного прошлого. Так же я люблю еще многих женщин. Ты для меня пойдешь на все – я для тебя пальцем не двину. Как каждый мужчина, я склонен грешить, – но на жертву я не способен». Неудивительно, что отношения между мужем и женой были натянутыми. Ничего, однако, не изменилось и после того, как Роза встретилась с родителями, приезжавшими в Германию из Тель-Авива. Из Берлина Роза и Михаил переехали в Париж. Спустя некоторое время туда эмигрировали Бакунины. Для Осоргина, влюбленного теперь в Татьяну, дочь своего друга, врача, депутата Госдумы 2-го созыва Алексея Ильича Бакунина, брак с Розой, длившийся официально одиннадцать, а фактически уже пятнадцать лет, становился обузой, и в 1923 году был оформлен развод.

В своем последнем, посмертно изданном сочинении «Времена» Осоргин (он из публициста превратился в писателя довольно поздно, уже после революции. – Л. А.) пишет: «В моей зрелой жизни я умышленно пропускаю целую большую область чувств, обманчивых или значительных, не раз эту жизнь осложнявших.

Она изжита и зачеркнута одним, поздним чувством, с которым я закрою глаза. В кольцах цепи осталось и останется только одно грошовое колечко с каплей красного сургуча вместо драгоценного камня; всему остальному почтительный поклон; его я не потревожу напрасными строками». Вот этим «почтительным поклоном», адресованным неясному безликому «остальному», от которого совсем ничего не осталось, закончился брачный союз Розы Гинцберг с Михаилом Осоргиным.

Осенью 1926 года Осоргин официально оформил брак с Татьяной Бакуниной. Несмотря на то, что семья Розы жила в Палестине, где еще в 1924 г. умер ее отец, она осталась в Париже. Работала юристом и изредка общалась со знакомыми эмигрантами. Входила в Дамский комитет Союза русских писателей и журналистов в Париже. В РГАЛИ хранится письмо, адресованное Н.А. Бердяеву, написанное ею в 1924 году. Биографический очерк М. Климова о Розе Гинцберг завершает так: «Роза не вышла замуж и не родила детей – пожертвовала «личным счастьем» для блага народа, как когда-то требовал ее отец». Ему вторит и Н. Елина, дочь Розиной подруги Нехи Перельман: «Юридическая профессия давала Розе заработок, от Осоргина материально она не зависела. В эмигрантских кругах у нее были знакомые, и здесь чужой она себя не чувствовала, вернее – в Париже все они были чужими... Были ли у нее увлечения? Одно, как будто, было, только, вероятно, не увлечение, а попытка заглушить душевную боль и успокоить уязвленную гордость...». Тем не менее статья в Википедии однозначно утверждает: «Р.Г. Осоргина-Гинцберг повторно вышла замуж за художника и журналиста Н.В. Макеева». Год не указан...

Ознакомившись позже с материалами биографии и дневников известной русской писательницы-эмигрантки, поэтессы, педагога, автора документально-биографических исследований и мемуаров Н.Н. Берберовой, удалось установить, что после ухода ее, Берберовой, от мужа – не менее известного русского поэта, переводчика Владислава Фелициановича Ходасевича (выступал также как критик, мемуарист и историк литературы, пушкинист. – Л. А.), в 1936 году в Париже, она официально выходит замуж за не слишком популярного журналиста, художника, члена партии социалистов-революционеров Николая Васильевича Ма-

кеева (1889-1975), с которым была знакома с 1925 г., фактически еще с 1933 г. разлучив предварительно его с первой женой Рахилью Григорьевной Гинцберг, с которой он состоял в официальном браке. Этот брак также распался через десять лет, и в своей автобиографической книге «Курсив мой» Берберова так красноречиво отозвалась о бывшем супруге: «Для меня он был и остался одним из тех русских людей, которые, как некий герой народной сказки, решительно все умеют делать и решительно ко всему способны. Но почему-то так выходит, что в конце концов ничего не остается от этих способностей, вода льется у них между пальцев, слова уносит ветер, дело разваливается. И вот уже никто ничего от них не ждет. И чем меньше верят им, тем больше они теряют веру в себя, чем меньше ждут от них, тем бессмысленнее тратят они себя и остаются в конце концов с тем, с чего начали: с возможностями, которые не осуществились, и с очарованием личным, которое дано им было со дня рождения как благодать»... Неудивительно, что «остаться в истории» Берберова предпочитала как жена Ходасевича...

В 1932 Роза Гинцберг уехала в Эрец-Исраэль и поселилась в Тель-Авиве. Занималась активной деятельностью: работала в юридической конторе своей невестки Розы Гиносар, позже – возглавила эту фирму, помогала еврейской репатриации в Палестину. Кроме профессиональных проявились у нее и другие способности, в частности – лидерские качества: она стала председателем еврейской женской организации ВИЦО. Привлекала окружающих светлым умом, остроумием, красноречием и настойчивостью. Работала много и с увлечением, как когда-то ее отец. О прошлом не вспоминала, оно осталось далеко... А она жила сегодняшней напряженной жизнью своей молодой страны. До тех пор, пока тяжелая болезнь не свалила ее с ног, чтобы больше не подняться...

В 1957 г. Роза Гинцберг, дочь Ахад-ха-Ама, скончалась. В одной из публикаций о Розе Н.Ф. Елина пишет: «Я ее не знала, но фотография барельефа, где она запечатлена вместе с моей матерью Ньюей Перельман (см. фото, автор неизвестен. – Л. А.), висит у меня на стене в старом доме на узкой улочке в центре Иерусалима. И глядя на эту фотографию, я думаю о странной судьбе женщины, оторвавшейся, казалось, от своего народа, с которым

крепкими корнями был связан ее отец, и вернувшейся уже в зрелом возрасте обратно, к истокам, давшим ей некогда жизнь».

Как писатель М.А. Осоргин стал известен еще в России, но слава пришла к нему в эмиграции, где были опубликованы его лучшие книги. «Сивцев Вражек» (1928, отмечен международной премией – почти Нобелевской), «Повесть о сестре» (1931), «Свидетель истории» (1932), «Книга о концах» (1935), «Вольный каменщик» (1937), «Повесть о некоей девице» (1938); сборники рассказов «Там, где был счастлив» (1928), «Чудо на озере» (1931), «Происшествия Зеленого мира» (1938); воспоминания «Времена» (1955). Многочисленные прозаические вещи Осоргина в последние годы пробивают себе дорогу на родину. Стихов Осоргина сохранилось не много. Он много переводил с итальянского: пьесы Л. Пиранделло, Л. Кьярелли и др. Приведенное ниже оригинальное стихотворение Осоргина вполне соответствует почти умершему у нас жанру политсатиры, отражающему взаимоотношения социал-демократов («С.-Д.») и эсеров («С. Р.»), которое воспринимается ярче в первоизданном виде...



Молитва социаль-демократа

Ранним утром встает социаль-демократ,
Член великой, российской, единой, –
Пролетарскую плоть въ буржуазный халатъ
Облекает съ суровою миной.
Поплескавши небрежно на личность водой
И объ массъ подумавъ при этомъ,
На колѣни онъ палъ предъ иконой святой, –
Предъ великаго Маркса портретомъ.
«О, великій учитель, воскликнулъ С.-Д.

«Ты, чья догма всегда непреложна,
«Ты, чья схема навѣкъ приложима вездѣ,
«Чьи слова измѣнять невозможно, –
«Повели, чтобъ С. Р-ы не знали побѣдъ.
«Чтобъ С. Р-овъ разрушили козни,
«Чтобы даже младенцы смотрѣли на свѣтъ
«Съ точки зрѣнія классовой розни.
«Повели, чтобы шли мы всегда впереди,
«Чтобы пала общинная Троя,
«И деревни, учитель, скорѣй поведи
«По пути буржуазнаго строя, –
«Чтобъ скорѣе создалъ капиталъ батрака,
«Чтобы крупныя ввелъ производства,
«Чтобъ скорѣй, оторвавъ отъ земли мужика,
«Даль ему съ пролетаріемъ сходство;
«Повели, чтобъ проклятый аграрный вопросъ
«Сталъ скорѣе аграрнымъ отвѣтомъ,
«И устрой это такъ, чтобъ еще длинный носъ
«Получили С. Р-ы при этомъ»...
Такъ молился С. Д. К., возставъ ото сна,
Но въ отвѣтъ на мольбу соціала
Марксъ изрекъ: «Отойди отъ меня, сатана,
И прочти третій томъ Капитала!»

Выполненный им еще в 1921 г. по просьбе Е.Б. Вахтангова перевод пьесы Карло Гоцци «Принцесса Турандот» (белый стих) до сих пор звучит на сцене Вахтанговского театра. Истинной поэзии в рассказах Осоргина исполнены описания уральской природы, ставшей его непреходящей любовью.: «Я тебя люблю, земля, меня родившая, и признаю тебя моей величайшей святыней». Он ощущает себя коренным русским человеком, потомком давних варягов, осевших на востоке, на границе с Сибирью, и радуется, и гордится, «что родился в глубокой провинции, в деревянном доме, окруженном несчитанными десятинами, никогда не знавшими крепостного права», и что голубая кровь его отцов окислилась независимыми просторами, очистилась речной и родниковой водой, окрасилась заново в дыхании хвойных лесов

и позволила во всех скитаниях остаться простым срединным провинциальным русским человеком, не извращенным ни сословным, ни расовым сознанием, сыном земли и братом любого двуногого».

Осоргин сохранял советское гражданство до 1937 года, после чего был апатридом, жил без паспорта, французского гражданства не получил. С начала Второй мировой войны жизнь Осоргина круто изменилась. В июне 1940 года, после наступления немцев и оккупации части французской территории, Осоргин с женой бежали из Парижа. Они поселились в Шабри, на том берегу реки Шер, который не был занят немцами. Там Осоргин написал книгу «В тихом местечке Франции» (1940) и «Письма о незначительном» (опубл. в 1952). Осудив войну, писатель размышлял о гибели культуры, предупреждал об опасности возвращения чело-



Памятник М.А. Осоргину на кладбище в Шабри, Франция

вечества в средневековье, скорбел о непоправимом ущербе, который может быть нанесен духовным ценностям. Вместе с тем он твердо стоял за право человека на свободу личности. В «Письмах о незначительном» писатель провидел новую катастрофу: «Когда война закончится, – писал Осоргин, – весь мир будет готовиться к новой войне». Там же, в Шабри, писатель скончался и был похоронен в конце 1942 г.

